

Часть первая

ГЛАВА I

Внезапное исчезновение грусти и печали

Был конец августа. А в это время все живые существа, даже самая что ни на есть шустрая девчонка Вилька, становятся грустными. Потому что жалко уже почти ушедшего лета, жалко минувших веселых денечков.

И ничего не хочется делать. А что сделаешь, что придумаешь, для того чтобы жизнь стала интересной и увлекательной, если этой жизни осталось совсем ничего? То есть, конечно, не всей жизни, а только самой лучшей ее части — каникул. Но это мало что меняет. Одним словом, последние дни лета навевали грусть и печаль.

Вот с такими невеселыми мыслями двигались Петич и Вилька в пространстве, почти не различая дороги. Немножко-то они ее, конечно, различали. Потому что в этом месте, если не смотреть под ноги, сам черт ногу сломит.

— Интересно, — задумчиво пробормотал Петич, — почему так говорят?

— Ты это о чем? — спросила Вилька.

— Поговорка есть: «Черт ногу сломит».

А кто его видел, черта? Может, у него лапы? Ты над этим не задумывалась?

— Больше мне нечего делать, — недовольно хмыкнула Вилька, опасливо озираясь по сторонам. — Смотри, накличешь беду. В таком неуютном месте этого ч... — тьфу, сама чуть не сказала! — поминаешь...

— Тьфу, тьфу, тьфу, — отчетливо сплюнул через левое плечо Петич. И все-таки не удержался: — Извини, чертик, за такое неласковое обращение. Всегда надо плюнуть в тебя три раза, а то надоел ты до чертиков. Ой!

Петич закрыл рот ладонью, как дети в передаче «Устами младенца», когда случайно проговариваются, произнося запретное слово.

Вилька смолчала. Лучше оставить эту тему! Как ни крути, как ни ругай черта, плюй ему в самые глаза или, наоборот, расхваливай его — результат может быть только один. Чертыхнешься в сердцах или, наоборот, скажешь: «Вот черт, как здорово!» — и этого уже достаточно для неприятностей. Так что лучше вообще не упоминать его. Этого самого — даже и молча назвать его не хочется.

— Долго еще идти-то? — недовольно пробурчал Петич и тяжело вздохнул.

Во вздохе этом чувствовалась обида. Это он-то может накликать беду? Достаточно было Петичу услышать в свой адрес хоть

самое легкое замечание, настроение у него сразу пропадало. А сейчас его и так не было, настроения.

— Странно, рядом с тобой ни капельки страха не чувствую! — бросив на Петича быстрый взгляд, сказала Вилька.

Петичевы настроения Вилька читала по его лицу как по открытой книге. Не зря мама говорила, что мужчину понять вообще-то нетрудно, если относиться к нему по-доброму. А уж тем более нетрудно Вильке понять Петича — своего самого хорошего, если считать вместе с Лариком, друга.

Петич отмахнулся:

— Да чего тут бояться? Хоть со мной, хоть без меня.

Они вошли под новый мост Московской кольцевой дороги, совсем недавно перекинутый над небольшой речкой Сходней. «Перекинутый» — слишком сильно сказано, потому что мост просто проглотил речку, вобрал ее в себя, как в тоннель. Два узеньких тротуарчика по сторонам, между ними — стремительная вода, а над головой — неостановимый грохот проносящихся машин.

Петич остановился, повертел головой.

— Да здесь за пять минут с ума сойти можно от грохота! А за десять — точно память сотрется, как у компьютера во время проблемы-2000. Забудешь сразу имена все

и клички. А как же ты ходишь к этому своему художнику?

— Я к нему езжу на автобусе. Вот как раз бы сейчас над твоей головой проезжала, память твою стирала.

— Ну и сегодня поехала бы, — пробурчал Петич. — Целый день почти из-за тебя потеряю.

— Можно подумать, ты занят чем-нибудь важным, — заметила Вилька. — Как и все мальчишки, только время тратишь впустую.

— Ну, это не твое дело, впустую или не впустую. Мое время! Как хочу, так и трачу.

Их голоса под мостом гудели, как в огромном кинотеатре. Казалось, здесь разыгрывается сцена спора, которая вот-вот перерастет в драку. Ну, может, и не в драку, а в легкое такое царпанье.

— Это я трачу? — не унимался Петич. — Я хоть не сижу часами, как истукан, перед каким-то там сумасшедшим художником! Почему свое позирование ты не называешь тратой времени?

— Это искусство, тебе не понять, — отрезала Вилька.

— Ну и ладно. Понимай сама свое искусство.

Петич повернулся и пошел обратно, к выходу из-под моста. Вилька опасливо огляделась. Так неуютно колыхались отсветы воды по сводам тоннеля, какое-то рычание

20

доносилось сквозь гул машин... Может, это гудел далекий трактор, а может, и что другое... Посерьезнее. Конечно, Вилька была слишком гордой, чтобы броситься уговаривать Петича вернуться. Но ведь она пообещала художнику, что познакомит его со своим другом, самым надежным. И вот сейчас этот самый надежный друг бросает ее одну в таком неуютном, мягко говоря, месте!

И тут Вильку выручила природная хитрость.

— Конечно, о магических свойствах камня ты ничего не хочешь узнать? — спокойно и негромко произнесла она.

Петич остановился как вкопанный.

— Камня? Магических свойствах?

Вилька ждала. Дура она, что ли, не понимает, как себя надо вести в такие минуты? В такие минуты, когда мальчишка заглотнул наживку из какого-нибудь интересного сообщения, немножко подождать надо. Чтоб интерес разгорелся.

— Что молчишь, как русская Барби? — Петич нетерпеливо переступал ногами, как гончий пес, которому осталось только команду услышать. — Разве мы собирались сегодня этот камень увидеть? Чего ты такую таинственную рожицу корчишь?

— Меня всегда удивляет тон, который ты выбираешь в общении со мной, — сказала Вилька, как вполне взрослая дама.

Она огляделась вокруг и фыркнула со смеху. Обстановка, в которой были сказаны эти слова, подходила скорее для бандитских разборок или для встречи бродяг всякого сорта. Таких слов, наверное, еще никогда не слышали своды Сходненского моста!

Петич тоже не удержался от смеха.

— Ладно, пошли, — добродушно фыркнул он.

Напоминание о камне его задело. На безрыбье и рак рыба! Когда нечего делать, говоря человеческим языком, то и любое развлечение сгодится.

У Вилькиного знакомого художника, если верить ее словам, хранился необыкновенный камень. И все, что Вилька рассказывала о свойствах этого камня, Петич хотел увидеть своими глазами. Убедиться на собственном опыте.

Ему как-то не верилось, что этот обычный на вид камень, чуть ли не вообще булыжник, действует на окружающих волшебным образом. Например, Вилька уверяла, что он делает людей добрее. Например, ссорились люди, спорили, а зашли в комнату, где находится камень, — и неожиданно начинают соглашаться друг с другом, даже извиняться за сказанные накануне несправедливые слова.

«Ерунда, — думал Петич. — Просто культурные люди ходят в гости к этому ху-

дожнику. А культурные люди не могут долго ссориться. Наступает момент, когда они вдруг вспоминают о своем воспитании. И ведут себя соответственно. Никакого волшебства!»

Но Вилька рассказывала о камне и другие глупости. Например, кот хозяйский просто обожает его. Не хозяина, а камень. Ходит вокруг да около, мурлычет, и кажется, вот-вот заговорить должен, рассказать о том, как ему приятно. А коты, как известно, любят всякие хорошие места. На солнышке греться, на коленях у людей. А тут — камень. Может, и правда есть в нем какая-то необычная сила?

— А откуда он появился у твоего художника? — спросил Петич, когда они миновали наконец неуютный тоннель.

— Да он почему-то не хочет об этом говорить, — ответила Вилька. — Все отшучивается. То сказал, что с неба упал, а то вдруг задумался, потом поднял вверх палец и говорит так многозначительно: «А вот об этом память моя умалчивает...» Я и поняла, что нечего его мучить расспросами. Не хочет человек говорить, значит, нечего злить его лишний раз. Так ведь?

Петич полностью был с этим согласен. Из него самого ничего не выудишь, никакой информации, если она секретная. Мало ли что у художника связано с этим камнем. Так даже интересней — пусть будет секрет.

С секретов начинаются все хорошие новости, так считал Петич. И он тоже ни за что не задаст художнику глупого вопроса.

«Что ж, проверим камешек сами», — думал он.

Дело в том, что Петич сегодня с самого утра был страшно зол на Ларика. Прошли все мыслимые сроки, а от него все не было письма. А ведь договаривались, что Ларик быстро пришлет письмо с кодом того шифра, который он оставил Петичу. Ну, прикалывались они так: Ларик написал какую-то абракадабру и предложил расшифровать. Мучился Петич и так и сяк — не поддаются расшифровке дурацкие письма.

— Ну ладно, — сказал на прощание Ларик, — у тебя еще неделька. А потом, так и быть, компьютерная твоя душа, пришлю я тебе в письме разгадку.

И вот уже две недели прошло, а письма с дачи, на которую утащили Ларика родители, все нет. Петич, конечно, все это время не сидел сложа руки. Все пытался разгадать, что же написал ему друг, какую загадку оставил? Хотелось доказать Ларика, что и он, Петич, не лыком шит. Но так и не получилось. Только вот почему Ларик обозвал его так странно — компьютерной душой? Что-то раньше не приходилось слышать от него такого ласкового обращения...

Вот Петич и злился. А раз Вилька уверяет, что рядом с камнем проходит у человека

любая, даже мало-мальская, обида, — Петич и проверит это свойство камня. Если он перестанет злиться на Ларика, значит, камень и впрямь необычный. Петич для чистоты эксперимента даже специально сейчас злился на Ларика изо всех сил.

«Ах ты, — думал он, — умник какой нашелся! Думает, что у меня всего одна извилина в мозгу, да и та — вмятина от бейсболки! Друг называется — придумал глупость, а сам насмехается сейчас, думает, что я перенапряг эту свою извилину в поисках разгадки! Раз пообещал, так присылай свое письмо, умник...»

С внешней стороны кольцевой дороги новый микрорайон продолжал застраиваться. Можно было даже назвать его строительной площадкой — так часто посреди уже готовых домов встречались наполовину построенные, с торчащими рядом кранами, с горами строительного мусора. И асфальт еще нигде не укладывали. Будущие тротуары и дороги были только обозначены и покрыты пока щебенкой. А зачем асфальт, если его в момент разобьют гигантские машины и бульдозеры? Вон они как шастают взад-вперед, поднимая клубы пыли. Зрелище фантастическое. Напоминающее гигантский полигон для испытания тяжелой техники. Только вот непонятно, почему в построенные дома уже вселили людей, если рядом продолжается

такая работа? Как можно жить в такой пыли и в таком шуме? Наверху, на последних этажах высоток, еще ничего: пыль туда не долетает. А окна на нижних этажах, наверное, новоселы даже и мыть не пытаются — вон покрыты таким слоем пыли, что и не разобрать, живут там люди или нет. Живут, конечно. Даже ребятишки копошатся у подъездов. Нашли место для гулянья! Наверное, родители их рады, что переехали наконец в новые квартиры, и готовы считать груды мусора детскими площадками.

Сам-то Петич жил в коттеджном поселке, в котором зеленели деревья, росла мягкая зеленая травка и никакого строительного мусора не было и в помине. Но все свободное время он проводил на улице Петушкова, где жили Ларик и Вилька. А что ему делать возле своего коттеджа, когда там тоска зеленая? Что он, корова, травку щипать?

Петич оглянулся назад. Они поднялись по тропинке в гору, и видно стало далеко вокруг. Кольцевая была как на ладони. На соседнем холме, через заросший овраг, по которому протекала речка Сходня, стояла маленькая белая церковь. Совсем как игрушечная. Отсюда, из этого царства пыли и шума, она казалась чистым пятнышком — будто белое облачко опустилось на землю.

— Вот, уже пришли, — сказала Вилька, указав на высокий, шоколадного цвета, двадцатипятиэтажный дом.

На высоте холма такой дом вообще казался небоскребом.

«Наверное, с верхних этажей всю Москву в бинокль можно рассмотреть», — подумал Петич.

Пустынно было между домами. Не то что на улице Петушкова — уже давно обжитых и уютных Петушках! На всякий случай Вилька поискала на доме табличку, чтобы быть уверенной в правильности адреса. Хотя адрес в такой обстановке — это звучит странно. Тут надо просто так все запоминать. До аккуратной таблички с названием улицы еще далеко. Маляры прямо на стене намалевали номер жирной краской.

Пока Вилька разглядывала стену, из-за угла дома вышел и направился куда-то сквозь пыль священник. Петич удивился, увидев его в таком неподходящем месте. А впрочем, почему неподходящем? Может, он здесь живет, а на работу ходит в церковь на холме.

Священник был одет в черную рясу до пят, на голове — такая же черная шапочка-колпак. Ничего удивительного. Видел Петич таких священников и на Петушках. Потому что в их районе расположены сразу несколько церквей. Старинных, не то что эти дома-новостройки. Наверное, когда-то

красиво здесь было — зеленые холмы, а по ним разбросаны белые пятнышки церквей с золотыми куполами.

Священник уже отошел довольно далеко от дома, когда Петич заметил что-то подозрительное в группе мелких детишек, которые ковырялись в песке у подъезда. Слишком уж внимательно они изучали что-то на земле. Да еще чиркали спичками — неумело, как это всегда делают дети. На стройке можно найти всякую гадость, это Петич знал по собственному опыту, поэтому прищелкнул к мелким повнимательнее. И тут же понял, что пацанята окружили довольно высокую горку каких-то непонятных предметов.

— Вот тут надо поджечь, видишь, фитилек! — услышал он.

«Петарды!» — вспыхнула в мозгу у Петича догадка.

И совсем не в одной извилине она вспыхнула, а во всех вместе взятых. Потому что количество петард и их размеры кого угодно могли привести в ужас. Даже одним таким огромным цилиндром можно разнести в щепки большую бутылку из-под пепси. А тут их целая куча! Петич подбежал поближе и еще больше ужаснулся. Жгутики всех петард были скручены в один фитиль. Его-то и пытались поджечь пацаны. А это означало, что петарды станут рваться все вместе, почти одновременно. Но ведь

это будет такая канонада, от которой даже взрослые не успели бы разбежаться!

Не раздумывая, Петич бросился вперед.

— Куда ты? — только и успела крикнуть Вилька.

Но Петич не обратил на нее внимания. Тем более что он ясно увидел, как вспыхнул огонек и стремительно побежал по жгутику!

Петич оттолкнул крайнего малыша, рванул вверх связку петард — увесистой оказалась связка! — и замахал ею над головой.

«Сейчас рванет», — мелькнуло у него в голове.

Но куда же отшвырнуть? Да еще подальше? Раздумывать было некогда. Поднапрягшись, Петич метнул страшный груз, как ковбой свое лассо, подальше от пацанят. И от Вильки тоже.

Петарды рванули еще в воздухе. К счастью, успев отлететь на приличное, уже безопасное, расстояние. Первый взрыв разорвал связку, и, разлетевшись, петарды стали рваться оглушительной очередью — каждая по отдельности. Будто с вертолета кто-то стрелял по земле из пулемета, вздымая в песке бурунчики взрывов.

Ошеломленные малыши даже не присели — они попадали в песок. Приземлились своими мягкими местами, по которым их, конечно же, надо было как следует отлу-

20

пить. Но не Петичу же этим заниматься! Он только заорал, делая страшные глаза:

— Вы что, мелочь пузатая, совсем оборзели? Глаза бы вам сейчас повышибало!

Мальши моргали уцелевшими глазами, перепуганные и скоростью всего произошедшего, и громом петард, и криком Петича. Правда, у одного из них — у того, что был постарше и чиркал спичками, — лицо все-таки сияло от счастья. Наверное, он был счастлив оттого, что добился своей цели. Петич вырвал из его рук коробок и яростно растоптал спички в песке.

— А ну, по домам! — рывкнул он.

Уговаривать малышей не пришлось. Они улепетывали от опасного места со всех ног. Тем временем в доме захлопали открывающиеся окна, послышались женские вскрики. Петич огляделся и заметил, что и священник остановился, постоял в раздумье — наверное, хотел вернуться, — а потом быстро зашагал дальше. И скрылся за углом дома.

Петич с Вилькой оглядывали окна — но что они могли объяснить испуганным мамашам?

— Да ну их! — сердито махнул рукой Петич. — Не смотрят за детьми, а еще орут! Пошли.

И он дернул Вильку за рукав.

Лифт в подъезде художника, конечно же, не работал.

— И какой этаж? — поинтересовался Петич.

— Четырнадцатый! — весело ответила Вилька, как будто радуясь этому.

Где-то этажа с десятого ребятам стало казаться, что к их свистящему дыханию прибавляется еще какой-то странный звук. Прислушавшись, они поняли, что это жалобное мяуканье, иногда срывающееся на шепот. Так может звать на помощь только маленький котенок, который толком-то и не умеет орать. Или просто надорвал голос.

Сообразив все это, Петич метнулся вверх, как ракета! На площадке тринадцатого этажа, рядом с лифтами, была до отказа откинута вниз фрамуга узкого окна, которое располагалось на высоте человеческого роста. А на ней... На ней были видны вцепившиеся до посинения кисти человеческих рук! У Петича отвисла челюсть. Он сам не понимал, что в голове его вертится самая глупая, наверное, за всю его жизнь мысль: «Кто это их сюда прицепил?..»

ГЛАВА II

На высоте птичьего полета

Значит, человек висел снаружи дома. И это на высоте тринадцатого этажа! На высоте птичьего полета... У Петича похолодело все внутри.

Сзади на него с разбегу налетела Вилька.

— А где котенок? — воскликнула она.

Петич только и смог, что кивнуть на высокий подоконник, за которым действительно раздавалось мяуканье. Но не человек же издавал такие жалобные звуки? И тут Петич наконец пришел в себя. Ведь он знал, по собственному опыту знал, как недолго может человек провисеть на руках! Потому что однажды поспорил с пацанами, что сможет висеть на турнике сколько угодно. И что же? Не прошло и минуты, как пальцы сами стали разжиматься... А сколько времени этот человек держится сейчас за подоконник, было неизвестно. Может, силы его уже на исходе!

— Быстрее звони в квартиры! — крикнул Петич Вильке. — Может, кто-нибудь откроет! И принеси что-нибудь вроде стула, стола — короче, что-нибудь повыше! Видишь, так я не достану!

Сам он торопливо обводил взглядом все заутки на лестничной площадке. Глаза Петича при этом вращались, как у терминатора. Он одновременно и видел руки на подоконнике, и оглядывал все вокруг в поисках хоть чего-нибудь подходящего.

«Подходящее» нашлось за мусоропроводом — длинный кусок перепачканной краской веревки. Видно, кто-то поленился выбросить его в мусорку и просто швырнул за

20

толстую трубу. Пока Петич разматывал веревку, что заняло считанные секунды, сзади в спину его толкнула Вилька. Она еле тащила какую-то огромную раздвижную треногу.

— Это мольберт! — крикнула она. — Слышишь, Петич, у него квартира открыта, а его нет! Я схватила первое, что под руки попало. А ведь это он, я узнала его руки! Быстрее, быстрее, Петечка!

Но Петича и не надо было подгонять. Он подставил треногу под стену, ловко вспрыгнул на нее, скомандовав Вильке поддерживать, чтобы ножки мольберта не заскользили по кафельному полу. Потом несколькими рывками обвязал руки висевшего веревкой. Внизу раздались какие-то звуки — наверное, этот человек пытался что-то сказать, но Петич ничего не расслышал. Спрыгнув на пол, другой конец веревки он туго замотал за горловину мусоропровода.

— Теперь не сорвется, — задыхаясь, сказал он. — Главное сделано. А вот сейчас, сейчас надо постараться...

И Петич опять вскочил на мольберт. Одной рукой он изо всех сил уперся в подоконник, а второй схватил человека за запястье.

— Постарайтесь, — крикнул он, — постарайтесь хоть немного подтянуться! Царапайте ногами по стене, ползите вверх! Я буду тянуть!

И с этим длинным звуком «у-у» он потянул. Казалось, глаза у него от напряжения сейчас вылезут из орбит. Но Петич не жалел ни глаз, ни своих рук, ни всего тела, которое натянулось как струна. Он представлял высоту... Страшную высоту! И сил у него от этого стало больше.

«А он не очень тяжелый, — успел подумать Петич. — Совсем как подросток. Вот если бы оказался толстяк, тогда...»

Что было бы тогда, он не успел подумать. Потому что висевший человек, как вдруг показалось, стал еще легче. Он подтянулся немного, перехватился удобнее за подоконник — и уже вылезал из окна, помогая себе локтями.

— А откуда вы... взялись? — бормотал он при этом.

— Молчите! Молчите, не тратьте силы! — крикнул Петич. — Еще не все. Еще не конец!

Рядом повизгивала от страха и нетерпения Вилька.

— Ганнибал Абрамович! — воскликнула она. — Вы живой?

Художник — конечно, это был он! — через силу улыбнулся, выдавливая из себя по одному слову:

— Как. В анекдоте. Все цело. Но. Еще лечу.

— Да молчите вы! — заорал что есть мочи Петич.

Его сразу же послушались. В тишине, кряхтя от натуги, художник медленно переполз через подоконник и кулем свалился на пол. Через несколько секунд он уже стоял рядом с ребятами, смущенно улыбаясь, потирая руки и развязывая веревку.

— Фу ты! — отдышался художник. — Как в фильме о службе спасения!

— Вы что, самоубийца? — не удержался Петич от сердитой реплики.

— Почему? Просто неудачник. Ну просто во всем не везет! — стал оправдываться спасенный. — Понадеялся на свои сильные руки. Я ведь еще и скульптор. А у скульпторов руки железные. И вот не сумел дотянуться... Хорошо, что там оказался какой-то выступ. Стоять, конечно, на нем нельзя, но все-таки я упирался в него ногой. Столько времени на руках не провисел бы. Думал, сейчас передохну, накоплю силы, да и подтянусь... О бог ты мой! Мы же забыли о бедном котенке!

Петич уже в третий раз запрыгнул на треногу и выглянул наружу. На отвесной стене, на кончике бетонной плиты висела сетка. А в сетке, взъерошенный и перепуганный насмерть, уже не мяукал, а беззвучно открывал ротик с маленьким алым язычком черный котенок!

И все стало ясно. Художник, наверное, из своей квартиры увидел котенка. Какая-то злая рука устроила такую страшную

казнь... Ведь в любую минуту сетка могла сорваться вниз! Художник, видно, долго не раздумывал. Не стал искать ни длинного шеста с крюком, ни простой палки — не попадают они в нужный момент под руку! Решил дотянуться до котенка, повиснув на подоконнике. Повиснуть повиснул, а дотянуться не смог. А обратно, наверное, сил не хватило самому выбраться. У Петича даже похолодело все внутри от мысли, чем бы все это могло кончиться. Он оглянулся. Художника рядом с Вилькой не было.

— Он в свою квартиру побежал, — объяснила она.

— С испугу, что ли? — недовольно буркнул Петич.

Но оказался не прав. Через минуту художник появился с какой-то причудливо изогнутой проволокой в руках.

— Вот, арматура для скульптуры. Прямо рифма! Как я сразу не догадался ее прихватить? — воскликнул он. — Ну, молодой человек, подстрахуйте меня еще одно мгновение...

Он высунулся наружу по пояс — так, что Петичу, стоящему на тесной треноге, приходилось держать его сзади, упираясь головой в верхнюю часть узкого окна.

— Есть! — закричал художник и стал потихоньку перебирать руками, втаскивая обратно металлический прут, на изогнутом

конце которого покачивалась сетка с перепуганным котенком.

Все трое — уже, правда, четверо, считая с котенком, — стояли у лифта и переглядывались. И вдруг на них напал приступ хохота! Они хохотали как безумные, глядя на смешную мордочку котенка, на перепачканных мелом Ганнибала Абрамовича и Петича. Котенок дернулся и попытался вырваться из сетки.

— А вот и нет! — прижал его к себе художник. — После таких испытаний ты должен пойти ко мне в гости. Вместе с этими милыми ребятами, нашими спасителями. И если не против, останешься у меня жить. Будет у меня полтора кота. Я думаю, Филя согласится. А вдруг повторится, не дай бог, твое приключение? Ведь кто-то так страшно с тобой обошелся, да? Есть же на свете такие мерзавцы...

Ребята полностью разделяли негодование художника. «В какой извилине и какого человеческого мозга, — думал Петич, — могла родиться такая чудовищная мысль! Кто додумался так поступить с котенком?» У Вильки даже катились по щекам слезы, и она ничуть не стеснялась их.

Они не спеша поднялись друг за другом на один этаж. Дверь квартиры художника была распахнута.

— Вот, выбежал, спешил — думал, на минутку... — объяснял он. — Хорошо, что

ключи прихватил. Хотя, если бы я свалился, негодились бы моей душе никакие ключи. Там ключи ей ни к чему...

«Ничего себе! — подумал Петич. — Еще шутит! Хоть и мрачноватый несколько юмор...»

— А ты, моя добрая Вилька, еще и волшебница. Прямо фея! — продолжал художник. — Для доброй феи это самое главное: оказаться вовремя в нужном месте. Говорил же я всегда, что ты у меня желанный гость в любую минуту. Знакомь, знакомь меня со своим другом! Достойный, надо сказать, человек. Рыцарь Львиное Сердце! И видно, умелец на все руки. Могу бесконечно источать слова благодарности и восхищения вашим поступком, молодой человек.

Петич присмотрелся к художнику. Что и говорить, необычный человек. И по манере говорить, и по поведению. Это ж надо — безо всяких раздумий бросился на выручку котенку! Не каждому это дано. Хотя, конечно, в таких случаях надо хоть на секунду успеть и подумать... И внешний вид художника был необычным. На маленьком седобородом человеке — какой же художник без бороды? — красовалась пестрая одежда самых разных цветов и оттенков. Как только вошли в квартиру, он сразу же напялил на себя еще и огромный круглый берет. Петич отметил про себя: обычно люди одеваются,

выходя из дома, а этот — наоборот. Что у него, потолки протекают, что ли? Зачем носить в квартире этот берет аэродромных размеров, из-за которого художник сразу стал похож на гриб? Гриб на пестрой тоненькой ножке. Потому что одет художник был как игрушка — в какого-то сиреневого цвета штаны, зеленую рубашку и желтую жилетку...

«Конечно, — подумал Петич, — на такого все обращают внимание. Но, наверное, настоящие художники вполне имеют право так выглядеть?»

Петич где-то слышал фразу, что настоящий художник — от бога. А если так, то и должен же как-то бог различать таких людей в толпе?..

— Его Петичем зовут, — вставила Вилька. — Это мой лучший друг. И еще один есть, Ларик. Но его здесь нет.

Петич хмыкнул:

— Вообще-то, в этом нетрудно убедиться.

— О, хорошие имена! — радостно воскликнул художник. — Вполне в моем духе. Петич, Ларик... Вилька! Красиво звучат. Необычно! Значит, мне повезло — я попал в свою компанию. Ведь согласитесь, имя Ганнибал тоже не так часто встречается, да? Поэтому, кстати, никто никогда меня не сокращал — даже в детстве ни у кого язык не поворачивался назвать меня ка-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

- Глава I. ВНЕЗАПНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ГРУСТИ И ПЕЧАЛИ 5
- Глава II. НА ВЫСОТЕ ПТИЧЬЕГО
ПОЛЕТА. 19
- Глава III. ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ 31
- Глава IV. ТРИ ПЛЮС ДВА. 46
- Глава V. ИНОГДА ЛУЧШЕ
ПОДСЛУШИВАТЬ,
ЧЕМ ВЫСЛЕЖИВАТЬ. 58
- Глава VI. КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ 73
- Глава VII. ОПАСАЙТЕСЬ ЛЫСЫХ
И УШАСТЫХ 86
- Глава VIII. КАЧЕЛИ ВЫСОКО
НАД ЗЕМЛЕЙ 100
- Глава IX. МЕТЕОРИТ С АВТОГРАФОМ. . . 109

Часть вторая

- Глава I. ГАДАНИЕ НА ЭНЦИКЛОПЕДИИ . 125
- Глава II. ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ . . 137
- Глава III. ПОЕЗД УШЕЛ 157

Глава IV. СКОЛЬКО В МОСКВЕ ОБЕЗЬЯННИКОВ?	169
Глава V. ЛИЦОМ НЕ ВЫШЛИ	184
Глава VI. ЯЙЦО С УЛЫБОЧКОЙ	193
Глава VII. ПОСЛЕДНЕЕ ПАДЕНИЕ	204
Эпилог.	214

